

ЭЛЛА ЗЛАТГОРСКАЯ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

СИНХРОНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

16+

Элла Златогорская

**Тени прошлого, или
Синхронизация жизни**

«Автор»

2020

Златогорская Э.

Тени прошлого, или Синхронизация жизни / Э. Златогорская — «Автор», 2020

Детективный роман Эллы Златогорской. О чём эта книга? О жизни и смерти, любви и ненависти, правде и лжи, запутавшихся в тайнах прошлого... Автор пишет настолько искренне и при этом с лёгким юмором, что невольно задаёшься вопросом: а не реальная ли эта история? Главная героиня романа Элла Глебовна, приехав в Крым с младшим сыном отдохнуть на весь курортный сезон, в один из дней становится невольным свидетелем убийства дочери хозяев, приютивших их. На месте преступления с орудием убийства в руках был задержан один из жильцов того же дома — Евгений. Сам он ничего не помнил, так как был сильно пьян после сабантуя, организованного накануне его другом Игорем... За расследование взялись Александр Сергеевич Золотарёв — капитан с большой буквы — и юная пенсионерка Элла Глебовна. Теперь только им предстоит найти настоящего убийцу и узнать истинную правду о произошедшем...

© Златогорская Э., 2020

© Автор, 2020

Элла Златогорская

Тени прошлого, или Синхронизация жизни

Было ранее утро. Я проснулась от крика, шума, топота ног. Похоже, что-то случилось. Я посмотрела на мобильный телефон, который ночью всегда возле меня: было около 6 утра. Быстро встала, накинула халат и решила выйти во двор. Заглянула в комнату к сыну, он тоже проснулся, но вставать ему было лень. Открыв входную дверь в наши так называемые апартаменты, я вышла в маленький предбанник. Дверь была нараспашку. Во дворе толпилась уйма народу: люди в белых халатах, полицейские и жильцы. Хозяйка дома – пожилая, дородная Ольга Афанасьевна – полулежала в старом кресле. Возле неё крутился фельдшер и что-то давал ей выпить, медсестричка суежилась, мерила давление.

Ольге Афанасьевне было за восемьдесят, но она очень хорошо выглядела – ухоженная, элегантная, всегда с маникюром, при причёске, в украшениях. Я успела разглядеть только её бледное запрокинутое лицо. Над ней стоял, опираясь на тросточку, её муж Николай Степанович, который был немного моложе её, но выглядел существенно старше. На него жалко было смотреть, он всё пытался сказать жене что-то успокаивающее, но не мог, – губы дрожали, язык заплетался. Полицейские же в форме, а их было двое, склонились над чьим-то телом, которое нелепо возлежало на большой старой добротной кровати-качалке. На столе стояли разнокалиберные пустые бутылки из-под алкоголя, всякая снедь на тарелках, окурки в стаканах – вид, конечно, был неприглядный.

Я так и застыла на единственной ступеньке, не решаясь сделать шаг. Всего один шаг во двор... как будто эта ступенька могла меня защитить от всего того, что творилось там. Я ничего не понимала и заспанными глазами смотрела на всё это, содрогаясь от одной мысли: произошло что-то ужасное. Но, не дав опомниться, ко мне подошёл один из мужчин в штатском и взял меня в оборот. Отвёл в другой конец двора. Я успела только увидеть, как двое полицейских выводили со двора одного из мужчин, приехавших отдохнуть и живущих в соседнем домике в этом же дворе. Я была заинтригована, в замешательстве и ничего не понимала.

Но начнём сначала. Волею судьбы я оказалась в одном южном приморском городе. Воля судьбы – это желание моего младшего сына. Он решил, что в этом городе он может начать продвигать свой бизнес и Крым для этого прекрасно подходит. Времена нынче трудные для малого бизнеса в Москве – надо ещё параллельно что-то открывать. И вот мой отпрыск приехал на полуостров, арендовал дом на весь курортный сезон, куда и его мамочка – юная пенсионерка – благополучно прикатила с его разрешения. Парень он холостой, и мама ему никак не помешает. Мамочка – это я: очаровательная, обаятельная, неотразимая Эллочка, мать двоих сыновей, которую совсем недавно торжественно выгнали на пенсию. А самое смешное – из пенсионного фонда, где я трудилась в отделе клиентской службы и была на хорошем счету. Я ведь ещё советской закалки и с людьми находила общий язык: с бабулями и дедулями общалась по-хорошему, всё им объясняла и помогала в сборе документов. Но нашего бывшего руководителя отдали под суд за его махинации с материнским капиталом. Пришла новая начальница, и всем тем, кто работает давно и кому уже пора на пенсию, дали хорошего пенделя и отправили в свободный полёт. Закон есть закон, и мы ушли, освободив место молодым. Я знала, что всё к этому идёт – и так уже лишних пару лет проработала, – потому возражать не стала. Да и не могла, если бы даже захотела. Нас таких, которых торжественно выпроводили, было пять человек. Ну и оказались мы на свободе, не зная, что же с этой свободой делать...

Так вот, меня зовут Эллочка. Именно так – уменьшительно-ласкательным именем – зовут меня все мои близкие и друзья. Пошло это с лёгкой руки моей мамы, царствие ей небесное.

Одна беда: когда я знаколюсь с мужчинами, они вдруг начинают проявлять свои недюжинные познания в отечественной литературе: «Вы случайно не людоедка, меня не съедите?» У меня создаётся впечатление, что всё, что они читали, – «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, и знают только Эллочку-людоедку. А некоторые даже и не читали, а только фильм смотрели.

Я – вдова уже десять лет, и подружки периодически знакомят меня с какими-то мужчинами. Но, увы, тонкие струны моей ранимой души никто из них не задел. Видите, какая я классная – даже иронизирую над собой.

Так вот, жильё, которое арендовал сын, трудно назвать отдельно стоящим домом. Участок большой. Но при этом поделён странным образом: беспорядочно застроен. Но, как всегда, оказалось, что беспорядок – это строго продуманный порядок, ведомый одним хозяевам. Нам с сыном достался первый этаж трёхэтажного особняка, не побоюсь этого слова. Из тамбура-предбанника вела лестница на второй этаж, где жили хозяева – Ольга Афанасьевна и Николай Степанович. На третьем этаже обитал их тридцатилетний внук Андрей с женой Ирой и маленькой дочерью. А мансарда раньше использовалась для вечеринок, там стояли столы для игры в бильярд и настольный теннис, но с некоторых пор она находилась в запустении. На территории двора ещё были два дома: одноэтажный, который отделял наш дворик от заднего двора и маленького садика. В этом домике периодически менялись жильцы – приезжали и уезжали отдыхающие. А в начале двора стояло двухэтажное здание, которое выполняло две функции. Первая – жилая, со двора вела лестница в комнаты, где обитала вот уже без малого семь лет семья спокойного и мирного жителя ближнего зарубежья, а на первом этаже, вход куда был с улицы и доступа во двор не имелось, располагался офис какой-то непонятной фирмочки – функция номер два.

Так что в этом доме под номером 15 на улице с красивым названием Яблонева одновременно проживало много народа. Хозяева хорошо потрудились в своё время и теперь пожинали плоды своих трудов в виде денежных купюр. К их маленькой пенсии прибавлялся в курортный сезон неплохой такой месячный доход. И, надо отдать должное старикам, они помогали детям и внукам. Я же ничем не занималась, лишь читала свои любимые ироничные детективы, полные юмора, жизни и любви. А ещё ходила на пляж – выгуливала свои наряды на набережной. Иногда сын меня выводил в люди, то есть в мой любимый рыбный ресторан «Морская пристань», где я наслаждалась восхитительной свежайшей рыбой и морепродуктами. Иногда ко мне заходила Ольга Афанасьевна поговорить про жизнь. А жизнь у них была нелёгкой...

Старики-хозяева называли меня молоденькой вдовушкой – я ведь была ровесницей их старшей дочери. Мы с сыном были единственными, кто так надолго у них задержался, не считая квартирантов из ближнего зарубежья. Со временем с хозяевами у меня завязались приятельские отношения.

И вот, прожив у них в тишине и покое почти два месяца, я была потрясена тем, что увидела сегодня в 6 утра. Это был просто удар для меня... Не успела я всё как следует разглядеть, как меня сразу перехватил приятный мужчина в штатском, лет сорока, представившись капитаном Золотарёвым Александром Сергеевичем. Помню, я ему ещё сказала: «Как Пушкина?»

– Мне все так говорят, – без всякого сарказма в голосе, даже как-то обречённо ответил он мне.

Я сразу поняла, что с ним подружусь. В глазах у капитана читалась доброта и острый ум, я в первый раз видела такого интеллигентного мента. Вот так состоялась моя первая встреча с Александром Сергеевичем, который впоследствии стал моим хорошим другом в этом приморском городе. Я ему рассказала всё как есть. Накануне мы с сыном Глебом долго гуляли по набережной, зашли в мой любимый ресторан, поели мидий и барабульки и вернулись домой около часа ночи. Точного времени я не помнила. Во дворе гуляла компания. Хорошо я знакома была лишь с одним человеком – внуком хозяев Андреем, а остальные были новые жильцы. От Ольги Афанасьевны я знала, что они здесь на две недели – решили отдохнуть от работы

и дома. А ещё Николай Степанович говорил, что приехала дочь из Москвы, что она гостит у них в одно и то же время в июле. Рассказывал, что она работает врачом в одной из московских клиник, что месяц назад выдала замуж свою дочь, то есть внучку стариков, что на свадьбу они поехать не смогли, так как Николай Степанович плохо ходит и Ольга Афанасьевна не могла оставить его одного. Всё это я выложила капитану и всё-таки решила спросить у него:

– Что произошло, капитан?

– Убийство!

– Убийство??? – ахнула я. – А я решила, что кому-то стало плохо и он умер или ещё что-то в этом роде.

Он покачал головой и твёрдо сказал:

– Убийство.

– А кого убили? – не унималась я.

– Дочь хозяев, – тихо сказал капитан, чтоб не услышал Николай Степанович, который сидел в том кресле, где до этого полулежала Ольга Афанасьевна. А её, бедняжку, увезли в больницу – ей это было необходимо. Она находилась в тяжёлом состоянии. Мне было искренне жаль эту волевою, сильную духом женщину. Я даже не могу представить, как она выдержала все беды, которые на неё свалились. Человеческая природа – штука сложная. Смерть младшей дочери оказалась последней в череде её несчастий.

Ольга Афанасьевна и Николай Степанович мне потихоньку, дозированно рассказывали о своей жизни. Я была хорошим слушателем, не перебивала, давала им возможность высказаться, излить свою душу, и потом они видели, что я искренне интересуюсь их жизнью. Эти старики потеряли двоих детей. Старшая дочь лет 15 назад погибла в автомобильной катастрофе в Беларуси. За рулём был её муж, он получил тяжелейшие травмы и умер через три дня в больнице. Ольга Афанасьевна одна поехала в Беларусь, похоронила там свою дочь и зятя, забрала внука-подростка и привезла сюда, в этот приморский город, где она уже обосновалась со своей семьёй. Муж поддерживал её как мог, мальчика принял как родного внука. Но, как говорится, кровь – не вода. Старшая дочь Ольги Афанасьевны была ему неродной, девочку он не воспитывал и видел, только когда она приезжала к матери на каникулы из Беларуси. А потом, когда она выросла и вышла замуж, то изредка приезжала с семьёй к ним на море.

Старшую дочь Ольга Афанасьевна родила от скоропалительного брака с соседским мальчиком. По сути, молоденькая Оля, студентка педагогического техникума, выходила замуж не по большой любви – просто девчушка хотела иметь семью и такую добрую, прекрасную мать, как её свекровь. Мать своего мужа Оля знала с детства, всегда бегала к ней за помощью и советом. Муж свекрови погиб на фронте, и она одна растила сына. Парень вырос умным, спокойным, образованным, что в этом маленьком белорусском городке было редкостью. Оля всегда тянулась к знаниям и, по примеру своей будущей свекрови, пошла в педтехникум. Она хотела быть учительницей, учить детей грамоте и доброте.

... Плодом этой странной дружеской любви и стала хорошенькая девочка – старшая дочь Ольги Афанасьевны. Пока Оля училась, свекровь смотрела за внучкой и, по сути, заменила ей мать. Ведя со мной беседы, Ольга Афанасьевна вспоминала своё безрадостное детство: маму расстреляли немцы, папа вернулся с войны, но контуженный и с осколком в теле. Начал пить, и война его догнала уже через пять лет после победы – он, пьяный, замёрз в сугробе. Оля осталась с бабушкой: одна потеряла сына, которым гордилась, другая – отца, чьей смерти стыдилась. Оля была правильной девочкой. Она не знала полутонов – только чёрное и белое, серые оттенки для неё не существовали. Свою бабушку она доживала, смотрела за ней, как профессиональная сиделка, и в конце концов достойно проводила в мир иной единственного близкого ей человека. Стала налаживать свою жизнь, и свекровь ей заменила и бабушку, и маму. Ольга Афанасьевна очень тепло рассказывала о своей бывшей свекрови. А когда та умерла – поехала в Беларусь и вместе с дочерью и первым мужем похоронила хорошего человека. С бывшим

мужем она сохранила хорошие отношения. И даже тогда, в далёкой молодости, когда он поехал на курсы повышения квалификации в Минск и больше не вернулся, встретив там любовь всей своей жизни, Оля была ему благодарна за мать и дочь. Она ведь тоже хотела встретить большую и светлую любовь, а муж ей был просто другом, просто сыном той женщины, которую она любила и уважала. Официально они развелись через год. Муж остался жить в Минске, а она – с дочкой и свекровью. Свекровь её никуда не отпустила, дала ей возможность доучиться – святая русская женщина, знающая цену жизни и смерти, любви и долгу.

...Дочь пошла в первый класс. У Ольги были мимолётные романы, которым она не придавала значения. Свекровь на это закрывала глаза. Главное для неё было, чтоб внучка жила с ней всегда. Что и случилось: старшая дочь Ольги Афанасьевны осталась с бабушкой в Беларуси. Ольга была хорошим педагогом, и ГОРОНО направило её на работу в школу военного гарнизона, расположенного неподалёку от их городка. Ольга вела уроки в начальных классах, преподавала историю в старших. Учителей не хватало. Вскоре старый начальник гарнизона ушёл на военную пенсию. Он был фронтовик и заслужил свои почести и уважение. Его достойно проводили. Устроили торжества, и он со своей семьёй уехал на свою малую родину. Долго ждали, кого же назначат новым начальником, ведь в военном городке начальник гарнизона – и бог, и царь. Своего рода мэр городка. Сарафанное радио донесло, что к ним назначили подполковника из Москвы. Что женат, поселился в квартире прежнего начальника. Что приехал пока один, а семью – жену и сына – заберёт позже. Ольга не была знакома с военными. Обычно она общалась с мамами ребятшек и очень редко с папами – только тогда, когда в клубе проводились мероприятия. Её ученики выступали на всех праздниках. Она очень уставала – домой приходилось добираться на стареньком автобусе и долго его ждать (только иногда их всех, гражданских, довозили на транспорте гарнизона). Но дети Олю никогда не тяготили. Она любила их и занималась с ними от души, однако на своего ребёнка ей не хватало времени. Уставшая, она приезжала домой, когда дочь уже спала, искупанная и накормленная любящей бабушкой. За учёбу дочери Ольга нисколько не переживала – свекровь, педагог с большим стажем, уделяла внучке очень много внимания. Так и текли её дни-часы, пока она на новогоднем празднике в клубе лицом к лицу не столкнулась с новым начальником гарнизона. Искра, вспыхнувшая между ними, запылала ярким огнём любви в её сердце. Она поняла, что встретила мужчину своей мечты, и окунулась в эту любовь полностью.

Белокурая Ольга и статный подполковник были красивой парой. Им казалось, что об их романе никто не знает, но весь городок шептался и наблюдал за этими отношениями. Подполковник забыл о семье. Ольга забыла о дочке. Они думали только о своей любви и о страсти, которая их захлестнула. Ольга почти в открытую жила у подполковника в квартире, пока заместитель по политической части не вызвал его на откровенный разговор. О чём они говорили, история умалчивает, но уже в конце мая приехала жена подполковника с сыном, и семья воссоединилась. А Олино сердце истекало кровью, душа рвалась на части. Плакала она втихомолку, где-нибудь в саду или парке, чтоб её никто не видел.

Как-то поздним июньским вечером шла она с работы, думая о том, что рухнула жизнь в очередной раз, и горько плакала, когда её догнал молоденький лейтенант. Он тронул Ольгу за плечо и тихо сказал: «Я буду рядом с вами всегда!» Это был Николай Степанович. Так началась новая страница её жизни. Они родили ещё одну дочь, а через несколько лет и сына. В школе Ольга теперь не работала, подполковника – любовь всей своей жизни – больше не видела. Она вырвала его из своего сердца болезненно, по кусочкам, но вырвала всё-таки, хоть и истекая кровью. Рана заживала долго, но зарубцевалась и больше не давала о себе знать. Время и терпение вылечили её сердце. Ольга Афанасьевна и Николай Степанович жили тихо, спокойно, мирно, как все советские люди, приспосабливались к обстоятельствам и системе, с которой и не пытались даже бороться, если возникала в этом необходимость. Они много колесили по гарнизонам, пока не осели в этом приморском городе.

В ходе наших неспешных бесед с Николаем Степановичем во время наших совместных перекуров во дворе я многое узнала и услышала от него. Он неизменно восседал в своём любимом, уже изрядно обветшалом кресле с неизменной сигаретой во рту. Тихо попыхивая папиросой (он курил только «Беломор»), Николай Степанович рассказывал мне о своей жизни.

– Я ведь детдомовский.

– Детдомовский? Почему? Ваши родители погибли? – бестактно спрашивала я.

– Нет. Меня бабушка отдала.

– Боже мой, родная бабушка. Это ужасно! Наверное, у неё были веские причины, – предположила я.

– Нет. Дело в другом, – сказал Николай Степанович и замолчал надолго. Потом, прикурив новую папиросу, продолжил: – Ещё года мне не было, когда мама умерла. Это я всё потом узнал... И бабка меня сдала в детдом.

– И кто же вам сказал? – любопытничала я – уж очень интересно было узнать историю этого нелюдимого человека.

– Нянечка у нас была одна в детдоме, и, сколько помню себя, всё она со мной возилась, вот и я к ней привязался. Полюбил её, всё бабушкой звал.

– Вам повезло, Николай Степанович, – хорошая женщина встретилась.

– Повезло, девонька... Повезло, что жив остался, что баба Люба меня полюбила. Повезло, что в детдом отдали – с голода не помер. Война. Я же сорок второго года. Трудные времена были, тяжело людям пришлось.

– А папа ваш, Степан, на войне погиб? – всё продолжала я доставать старика.

– Не было у меня никакого папы. Отчество мне дала баба Люба – нянечка. В честь батьки Степана – был такой командир партизанского отряда в наших краях.

– Какая хорошая эта баба Люба! Долго она вас опекала?

– Да, она очень хорошая была, – и опять замолчал Николай Степанович, прикрыв свои глаза. Я не стала больше тревожить его в тот день. Он думал о чём-то своём.

На следующее утро после завтрака я вышла опять подымить, а Николай Степанович уже занял свою позицию. На столе аккуратно лежала пачка папирос, спички (зажигалки он не признавал) и пепельница – на землю он никогда не стряхивал пепел и не бросал окурки. Тросточка была приставлена к столу. Старик был чисто выбрит, пострижен, в светлой рубашке, сидел прямо в своём кресле и курил. Мне даже как-то неловко стало за свой вид в домашней одежде.

– Вы никак на свидание собрались, Николай Степанович? – пошутила я.

– А почему бы и нет? Ты деваха видная.

– Так вы ко мне на свидание? – улыбнулась я. – Предупредили бы, я б хоть намарафетилась чуток.

Мои ментоловые сигаретки его раздражали, но старик терпел. Судя по всему, я была его единственным собеседником. И как-то он с сожалением сказал, что будет скучать по мне. «А оставайся-ка здесь на зиму. Зачем тебе холодная Москва?» – всё время предлагал он.

– Как ваше самочувствие? Какое сегодня давление?

– Живой, и хорошо. А ты позавтракала? Небось, опять свою овсянку ела?

– Да. Худею же, – рассмеялась я в ответ.

– Ты вчера спрашивала, долго ли меня опекала баба Люба... – без всяких предисловий начал свой рассказ Николай Степанович. – Всю жизнь свою. Даже в армию мне писала. Но на похороны её я не попал... Мне потом сердобольные её подружки сообщили, когда письма мои у неё нашли.

– Вот жизнь... – проямлила я.

– До четырнадцати лет я жил в детдоме, потом нас всех, мальчишек-одногодок, перевели в ПТУ, на токарей учиться. А кличка, которую мне дали ещё в детдоме, так и сохранилась за мной. Обидно было.

– Ну, всем детям дают кликухи, особенно мальчишкам.

Зачем было обижаться? – попыталась утешить я его.

Николай Степанович задумался и опять надолго замолчал. Я уже хотела уходить, когда он громко сказал:

– «Немец». «Немец»! «Немец» – моя кличка была. Лет с трёх так и звали...

Я опешила, не в силах что-то выговорить.

– А почему «Немец»?

– Эх, девонька, девонька, я и сам себе задавал этот вопрос, а потом всё у бабы Любы спрашивал. А она мне сказала: «Потому что аккуратный, чистенький, всё у тебя по полочкам в тумбочке разложено, вежливый ты – вот тебя потому и “Немцем” кличут».

Я молчала и смотрела на него во все глаза, ждала продолжения. И дождалась, только через несколько дней.

...Прошёл июньский дождик. Мой Глеб укатил по своим делам. Я вышла во двор и зажмурилась от такой благодати. Розы цвели разными буйными красками, а запах стоял такой невероятный и густой – хоть режь ножом, как масло. Ольга Афанасьевна спешила в церковь на вечернюю молитву, а я осталась с Николаем Степановичем в надежде на продолжение нашего разговора. Предложила старику чаю, и он неожиданно согласился, хотя обычно отказывался. Я удивилась и побежала на кухню, приготовила нам всё необходимое для чаепития, вышла с подносом во двор, и под вкусный ароматный чай потекла наша беседа.

– Николай Степанович, а откуда эти нянечки и воспитательницы знали, какие немцы бывают? По Европам же они не ездили, – начала размышлять я.

– Да, не ездили, ты права. Зато немцы бывали у нас. В нашем шахтёрском посёлке они расселились по хатам, а комендатура была в поссовете.

– Я много читала про оккупацию, как людей расстреливали, обирали.

– Они тоже люди, и тоже разные были. Баба Люба говорила, что у них поселился молоденький офицер, помогал им и едой, и дровами. Почеловечески вёл себя. У бабы Любы мужа в первые дни войны убило, а сын в полыньи утонул в сорок первом – хотел рыбы наловить. Подросток был, затаило. Вот такая беда была у моей бабы Любы. Дочь от тифа умерла, – продолжал старик. – Умерла уже потом, как Красная армия освободила эти места. Одинокая она была, моя баба Люба, – в грустных, некогда голубых глазах Николая Степановича застыли слезинки. – Я всё время бегал к бабе Любе, когда учился в ПТУ. А когда мне исполнилось 16 лет и пришло время получать паспорт, она сделала мне подарок – купила костюм (по тем временам роскошь большая) – и сказала, что мне надо поменять фамилию на её и что она мне отписывает свой домик. Так и сделали. И стал я Куприянов Николай Степанович, и завещание на всё своё имущество она написала на меня. Вот такая она была, моя баба Люба.

Всё это мне Николай Степанович рассказывал с перерывами. Потом на целую неделю прекратились наши беседы. Я окунулась в светскую жизнь. В городе провели кинофестиваль. Я старалась попасть на мероприятия, посмотреть конкурсные фильмы, сфотографироваться с любимыми артистами. Как-то раз, когда я пробегала через дворик, старик меня окликнул:

– Что бегаешь туда-сюда? Или дымить бросила?

– Не бросила. Курю, курю. Дурацкая привычка. Просто по кинотеатрам и концертам бегаю. На море, когда успеваю. Курю на ходу, – оправдывалась я перед дедом.

– Так нельзя. Курить тоже надо уметь. Надо сидеть и размышлять.

– Пока, Николай Степанович, – спешу. Завтра с утра чай попьём с мятой, о'кей?

– О'кей, о'кей, – улыбнулся он.

Во дворе у хозяев росло много мяты. И аромат роз смешивался с ароматом этой душистой травки, отчего всё вокруг благоухало.

...На следующий день я вспомнила своё обещание и решила почаёвничать со стариком. С утра вынесла во двор поднос с разными вкусами к чаю и заварила ароматный напиток

с мятой и чабрецом. Я с удовольствием ждала продолжения нашей беседы. Николаю Степановичу хотелось излить душу, вспомнить далёкие дни. А мне нужен был материал для моих будущих книг (я писала иногда для себя, в стол).

– Хороший чай, – изрёк дед. – Я тебе хочу рассказать самое главное из моей жизни, об этом не знает никто, кроме Ольги Афанасьевны, и то я ей это рассказал только в 90-х.

Сказать, что я была удивлена, – это не сказать ничего. Или я у него вызвала безграничное доверие, или просто была транзитным пассажиром, которому можно всё рассказать и забыть. Я прикусила свой язычок и ждала.

– Когда мне исполнилось 18, перед самой армией (а тогда в армии служили три года), я уже жил с ней, с бабой Любой. Она очень сильно болела, я за ней ухаживал. А она всё обо мне заботилась. Так вот, за пару дней до моего призыва она завела меня в маленькую комнатку за сеньями и сказала, что именно здесь, в этой комнате, я и появился на свет перед их рождением.

Он опять надолго замолчал. А я, глупая женщина, спросила:

– Перед их? Чьих «их»?

– Да перед католическим, немецким рождением. Перед рождением моего отца, – горько произнёс Николай Степанович.

История была такова: квартировал у бабы Любы молодой немецкий офицер, и завязался у него с её дочерью роман. Дочь была молоденькая, глупенькая, и забеременела. Немец знал об этом, но они оба скрыли сей факт от бабы Любы. Баба Люба заметила округлившийся живот дочери только тогда, когда уже было поздно что-то предпринимать. Немца перебросили на Восточный фронт. Они прощались так, что матери стало жаль дочь и обидно за её судьбу. Она не выпускала свою кровинушку из дому, чтоб никто её не видел, – боялась огласки. Роды приняла сама. Дочь с ребёнком выходила погулять только в огород и только поздно ночью.

...Но шила в мешке не утаишь, и кто-то из соседей прознал про ребёнка, а когда пришла Красная армия – освободительница, – тут же всё и доложили уже нашей советской власти. Дочь бабы Любы судили как предателя Родины и сослали в Сибирь. Там она и умерла через несколько лет от какой-то неведомой болезни. Ребёнка баба Люба надёжно спрятала на хуторе у своих дальних родственников. И маленький Коля (а это был он) остался жить на грешной земле вопреки всем бедам.

Прошло время. Мальчик Коля стал Николаем Степановичем, и у него уже рос свой сын. Его Николай Степанович не просто любил, а боготворил, но при этом не баловал. Ольга Афанасьевна вложила в сына душу. Парень вырос настоящим мужчиной со стержнем и своими принципами. Дочка же, которая родилась позже, была тихой девочкой, хорошо училась и сама решила стать врачом. Она родителям не доставляла никаких хлопот. После школы дочь уехала в Москву и поступила в медицинский институт. С отличием окончила, и её оставили работать в столице...

...Боль от утраты старшей дочери у Ольги Афанасьевны постепенно утихала, пока ещё один мощнейший удар не перевернул их жизнь.

– Знаешь, почему дед такой больной? Он ведь после инсульта, – всё вздыхала Ольга Афанасьевна. – Не смог перенести смерть нашего сына, Лёши. Он ведь на его руках умер.

– А я думала, что он погиб, – тихо промолвила я.

– Умер. Просто умер. Тромб. Сын-то здоровый был, спортивный, а смерть настигла его в одночасье. Всего сорок лет исполнилось... Неотложка долго ехала.

– Боже мой, город же маленький! Почему долго-то?.. – невнятно лепетала я.

Говорить с женщиной, у которой умерло двое детей, очень тяжело. Не знаешь, как себя вести, – почему-то чувствуешь себя виноватой.

Умер, просто умер. Три года прошло, а как вчера. Каждую неделю в церковь хожу. На могилу хожу. Вроде бы легчает немного, – спокойно сказала Ольга Афанасьевна. – Жена

Лёшина с детьми через сорок дней ушла в квартиру свою жить. А Лёшка квартиры не любил, ему дом нравился. Жена Лёшина – обрусевшая литовка, спокойная, рассудительная. Извинилась и сказала, что не может жить здесь без Лёши, и ушла. Мы им помогаем. А дед совсем плохой, я его ещё год выхаживала после смерти сына. Всё забывает, не знает, что говорит, – рассказывала мне эта женщина-кремень.

...И вот в сегодняшнее летнее утро беда ворвалась в этот тихий дворик у моря. Убийство последнего ребёнка стариков... Непоправимое горе. Я очень боялась, что они такого просто не переживут, эти несчастные старики. Наташа была на несколько лет старше своего брата, и родители молились на неё – одна она у них осталась. И такой ужасный конец – смерть в родительском доме. Говорят, что родительский дом – лучшая колыбель, вот Наташа и заснула в этой колыбели навсегда.

Полиция увезла труп и забрала одного из постояльцев. Также телефон и личные вещи Наташи. Всем жильцам этого дома велено было никуда не отлучаться, так как каждый из нас находился под подозрением. Во дворе дежурила пара полицейских, чтоб предполагаемый убийца не ударился в бег. Капитан Золотарёв сказал всем собравшимся:

– Убийца среди вас! Калитка была закрыта на ключ и задвижку – значит, убийца здесь, в доме. Всем никуда не отлучаться. Сейчас приедет эксперт и снимет с каждого отпечатки пальцев.

Все молчали.

– Но минэ же работать нужен, – произнёс гость из ближнего зарубежья, который уже семь лет снимал жильё у стариков.

Глупо хихикнула жена внука Андрея – Ирка (менеджер, или иначе, по-русски, просто продавец в продуктовом магазине). Золотарёв зыркнул на неё и ответил парню, чтоб позвонил своему работодателю и всё объяснил, а он даст справку в подтверждение. А я не выдержала и отчитала Ирку:

– Он хоть может говорить на твоём языке. А ты на его сможешь, что хихикаешь? Ты даже русский язык толком не знаешь, а ведь он – твой родной. У тебя иногда не предложение, а просто набор слов.

Андрей молчал и ни слова не сказал в защиту жены.

Неприятность Ольги Афанасьевны к жене внука передалась и мне. На самом деле любил её только Андрей, все остальные воспринимали её как приложение к нему. Андрей – сын старшей дочери Ольги Афанасьевны. Ему чуть больше тридцати лет, очень спокойный, уравновешенный парень. Худой, с ёжиком русых волос и светло-серыми глазами. Уже больше пятнадцати лет живёт с бабушкой и дедом. Хоть Николай Степанович ему и не родной, но Андрей к нему со всем уважением. Называет дедом, помогает во всём: и ремонт в доме делает, и в саду возится. Несколько лет назад Николай Степанович подарил ему свою машину, так Андрей буквально летал от счастья. На самом деле у парня есть и родной дед – первый муж Ольги Павловны. Он живет в Беларуси, и они раз в месяц перезваниваются. Когда ещё родители были живы, Андрей часто с ним виделся, ходил на охоту, на рыбалку, ездил по гостям. До встречи со своей женой Андрей работал в МЧС – сразу после армии его туда устроил Николай Степанович. Но потом этот брак – этот мезальянс, как говорит Ольга Афанасьевна, – разрушил жизнь Андрея. Родился ребёнок, в МЧС мало платили, и парень пошёл работать грузчиком в порт.

Ирка была из близлежащей деревни. Обычно деревенские девушки чистоплотные, домовитые, но Ирка оказалась исключением из правил: полная неумеха, неряха, невоспитанная и необразованная девица. Из деревни она выбраться смогла, но деревня из неё так и не ушла.

...Мы все остались во дворе. Расходиться никто не хотел – не могли оставить несчастного старика, и Андрюха был убит горем.

– Александр Сергеевич, – окликнула я капитана, – а убрать со стола можно? Да и двор надо немного привести в порядок.

– Можно, Элла, – изрёк «сыщик Пушкин».

– А отпечатки со всех предметов сняли? – умничала я.

– Ой, какая вы продвинутая, – иронизировал капитан. Со всех. Что нужно – сделано. Убирайте.

– Конечно, продвинутая. Детективы ведь читаю.

– Небось женские, лёгкие? – опять с иронией спросил капитан.

– Всякие разные. Но больше всех книжных детективов я люблю о Ниро Вульфе – великом сыщике Рекса Стаута.

– Ого-го! – капитан аж остановился. – Ну и познания у вас. А я думал, что про Шерлока Холмса скажете и миссис Марпл. По ящику показывают сериалы о них.

– Я телевизор не смотрю, – обиделась я и ушла.

«Вот молокосос», – подумала (вслух, конечно, не произнесла). Не видит, что ли, что перед ним взрослая тётка. Ещё и подкалывает. Я очень разозлилась на этого мента. Сколько мне лет, он прекрасно знал.

У всех жильцов собрали паспорта. Женщины – я, жена гостя из ближнего зарубежья и одна из новых отдыхающих – стали убирать со стола. Ирку отправили за ребёнком смотреть – всё равно от неё никакого толку. Мужчины же разбрелись по своим комнатам. Только Андрей сидел рядом с дедом. На Николая Степановича было жалко смотреть.

Наконец, ближе к вечеру, появился дактилоскопист и у всех снял отпечатки пальцев. Потом пришёл капитан Золотарёв и по очереди беседовал с каждым из нас. Моего сына расспрашивал о вчерашнем вечере, о жильцах. Ничего нового Глеб ему не сообщил, так же как и я. Думаю, что остальные жильцы тоже ничего не добавили. Внук Андрей собрался навестить бабушку, я напросилась с ним. Капитан нам разрешил.

Больница производила удручающее впечатление. Здание было ещё довоенной постройки, с колоннами и балкончиками. А внутри – сплошное убожество. Ремонт не делался ещё с советских времён. Ничего не изменилось, за исключением оборудования, – оно как раз в этой больнице было новейшее. По федеральной программе сюда завезли хорошую технику, а деньги на ремонт, скорее всего, муниципальные чиновники положили в свой карман – они иногда путают свой карман и государственный.

Ольга Афанасьевна – женщина всегда такая бодрая, умеющая держать прямо спину, – согнулась под тяжестью своего горя, осунулась, но глаза были сухие.

– Не могу плакать, понимаешь? – обращалась она ко мне. – Не могу, и всё. Хочу – и не получается.

Я, как могла, утешала её, но откуда взять слова, которые способны утешить женщину, у которой смерть отобрала последнего ребёнка? Одного ребёнка забрала катастрофа, другого – болезнь, а третьего – злая воля какого-то человека.

Ольга Афанасьевна разговаривала чётко, мысль работала хорошо. У неё отнялись только ноги. Она не могла никак встать и передвигаться на своих ногах. Говорила она обдуманно, правильно, но страшные слова, которые произносила эта женщина, вызывали у меня сомнения в её умственном состоянии.

– Это Бог меня наказал! Забрал у меня детей, всех!!! Это я виновата... Хоть ходила в церковь, просила, умоляла пощадить, замаливала, как могла, свой грех, – тихо себе подносила она.

– Успокойтесь, Ольга Афанасьевна. В чём это вы виноваты? Судьба такая. Убийцу обязательно найдут, – утешала я её как могла.

– Кто будет искать? И что это изменит? Моих детей уже нет, а я живу. За что? Я знаю, я знаю, – как заклинание повторяла бедная женщина, при этом руки её дрожали.

В палату вошёл Андрей, но один. Сказал, что уже поздно, и в отделении только один дежурный врач, потому надо вернуться сюда утром и поговорить с лечащим доктором.

– Андрей, – схватила Ольга Афанасьевна внука за руку, – а Алине, внучке, позвонил?
– Нет, – Андрей покачал головой.

– Не звоните никто. Я сама. Завтра сама сообщу ей, – упавшим голосом произнесла Ольга Афанасьевна.

Острая волна жалости накрыла меня. Я никогда за эти два месяца не видела её такой слабой и незащитной. Даже когда она рассказывала о своих умерших ранее детях, на лице её мелькала светлая, грустная улыбка, вызванная воспоминаниями. Обычно жалость у меня вызывал дед, хоть он и пытался выглядеть бравым воякой. Но с первого взгляда было видно: он сильно болен, да ещё и любитель залить своё горе алкоголем. А тут железная Ольга совсем сдала. Хорошо хоть жива и здраво мыслит. Я попыталась её покормить, но она отказалась. Только воду пила.

– Андрей, узнай у милиционера: как мне Наташу увидеть? – она по привычке полицию называла милицией. – В каком морге она. И коляску инвалидную найди – сама ходить пока не смогу. Где-то в прокате дают. Помнишь, мы деду брали? Ты уж подсоби ему, Элла, – обратилась она ко мне.

Я ей лишь кивнула в ответ. Меня уже всё этого тяготило, и я поднялась со стула.

– Идите уж, идите, – удручённо сказала Ольга Афанасьевна, а потом будто спохватилась: – А как там дед? Жив ещё?

– Жив, жив, – ответил Андрей. – Трясётся только и бормочет что-то.

И мы ушли.

После программы «Время» все постояльцы дома собрались за тем самым злополучным столом. Решили провести собрание без следователей и полицейских. Охрану сняли, но паспорта не вернули. Деда не было – ему дали лекарство и уложили спать. С ним сидела сноха – жена Алексея. Конечно, отсутствовал и тот бедолага, которого забрали полицейские. Его друг был как в воду опущенный и уже успел принять на грудь. Так что за столом собрались: Андрей с женой Ирккой, я с сыном Глебом, гость из ближнего зарубежья со своей женой и жильцы-отдыхающие, недавно прибывшие, – друг подшофе и семейная пара. Новые жильцы были приблизительно одного возраста – лет 40–45. Супружеская пара приехала с сыном, мальчиком лет 8-9. Ребёнка отправили в дом смотреть мультики (или что они сейчас смотрят или играют). Все сидели за пустым столом и не знали, с чего начать, но неожиданно появился капитан Золотарёв. Его визит все восприняли настороженно, ведь сказанные им слова о том, что среди нас есть убийца, у всех отпечатались в памяти большущими буквами.

– Как вы здесь очутились?! – вскрикнула я. – Я сама закрыла калитку – свои все дома. Мы проверили.

– У меня есть ключи, – сказал капитан спокойно.

– А откуда они у вас? – не отставала я от него.

– Элла Глебовна, – чётко указал он мне на моё место, – вам это необязательно знать.

Капитан сел во главе стола и попросил нас тоже занять свои места. Что мы и сделали, только милейшая жена гостя из ближнего зарубежья приготовила чай и разлила всем (восточное гостеприимство и воспитание виделось в каждом её поступке). Расставив чашки, она смиренно села возле своего мужа.

– Так вот. Каждого из вас я допрашивал по отдельности. Теперь же буду задавать вопросы всем, а вы отвечайте. Ясно?

– А почему допрашивали? Мы не обвиняемые! Просто опрашивали, – влезла я не к месту.

– Ясно, Элла Глебовна?! – рявкнул капитан, не обращая внимания на мою реплику.

– Ясно, ясно, – пробормотала я. Глеб дёрнул меня за руку и зашептал:

– Опять ты везде лезешь. Можешь ты замолчать, в конце концов!

Я затихла.

– Начнём с вас, – обратился капитан к гостю из ближнего зарубежья. – Во сколько вы пришли и где были?

– Я бил в квартиру, где ремонт делать. Не я один. Много нас. Дом здесь рядом, пешком ходить я. Уже шабаш, и я шёл дома, – гость безбожно путал окончания, но мысль свою мог донести.

Ольга Афанасьевна говорила, что они очень хорошие люди, узбеки. Когда-то Куприяновы жили в Ташкенте – Николай Степанович служил там и очень тосковал по тем местам.

– Когда я шёл, то видел машину парня с мамой, – продолжал узбек. – Они ехали в дом, а машин всегда оставлять у ворот. Они вдвоём зашли в дом. Это видеть, клянусь.

– Ясно, – перебил его витиеватую речь капитан. – А кто закрыл калитку?

– Я закрыть калитка. Всегда. Хозяйка так сказать. Мы же дружная, – гость стал раскачиваться телом и причитать: – Наташка жалко, Лёшка жалко, стариков жалко, – видно было, что он искренне переживает.

– Во сколько это было? Когда вы пришли?

– Около часа ночь, – он повернулся к жене и что-то спросил на своём языке.

– С женой не разговаривать! Только по-русски! – заорал капитан. – Я же вас уже предупредал. Ладно, можете идти, – после паузы тихо сказал Золотарев. – Я вас уже опросил, теперь мне нужно поговорить с вашей женой.

– Я не пойду. Жену ждать.

– Хорошо. Тогда сидите и молчите, – разрешил ему капитан. Гость обречённо кивнул и замолчал.

Капитан повернулся к жене гостя из ближнего зарубежья. Она была стройной женщиной с изящными чертами лица. Одевалась современно, хорошо говорила по-русски, так как на родине работала учительницей русского языка и литературы. Вслед за мужем она приехала в Россию. Здесь же они и сына своего отдали в школу. Ольга Афанасьевна зарегистрировала их в своём доме и всячески опекала.

– Скажите, пожалуйста, уважаемая, – тихо обратился к женщине капитан, – когда вы пришли домой и где были?

– Я была на работе и вернулась около десяти. Здесь минут 15 пешком. Сын был со мной. Он всегда со мной на работе – каникулы.

Все молча слушали её.

– Я работаю в узбекском кафе «Тандыр» на набережной, у земляков. Помогаю плов готовить, нарезаю, иногда тесто замешиваю. В общем, помощница повара, – продолжала она.

– Что ваш муж спрашивал у вас сейчас?

Она сначала не поняла вопроса. Потом напряглась:

– Он спросил, не помню ли я точное время, когда он пришёл.

– Хорошо. Можете идти, – изрёк капитан.

– Я пойду – там ребёнок, – поднялась она из-за стола и что-то спросила у мужа.

– Я останусь здэс, – спокойно произнёс он. – Я хочу знать, кто такой сдэдал с бедной Наташа, кто так обижал стариков.

Он чуть не плакал, этот гость из ближнего зарубежья. За семь лет он привязался к старикам, помогал им по дому и во дворе, дружил с их сыном. Когда не было заказов и он оставался без работы, то с Лёшкой всё время что-то делал – красил, белил. Наташу видел только летом, когда она – иногда с дочкой, иногда одна – приезжала в гости к родителям. В этом году Наташа приехала одна: дочь вышла замуж и отправилась с молодым мужем в свадебное путешествие.

– Элла Глебовна, теперь я хочу услышать вас. Только ваша версия убийства меня не интересует, – обратился ко мне капитан и добавил волшебное слово: – Пожалуйста.

– Ну и пожалуйста, у меня никакой версии и нет. Мы гуляли с Глебом на набережной, потом зашли в кафе, поели. Машина стояла у дайвинг-клуба. Потом сели в авто и приехали домой.

– Глеб, во сколько это было? – спросил у сына капитан.

– Около часа, точнее не припомню. Но если необходимо, могу сказать. Я в это время общался с братом по ватсапу, – лаконично, как всегда, ответил Глеб.

– Калитку закрывали?

– Нет. Калитку всегда закрывает он, – Глеб указал на гостя из ближнего зарубежья. – Если я прихожу позже и калитка закрыта – значит, он уже дома. И я открываю своим ключом, бывает и так, – уточнил Глеб.

– А кто сидел за столом, помните? – продолжал спрашивать капитан.

– Я помню, я смотрела внимательно, разглядывала, – вмешалась я.

– Хорошо, говорите, вы же всё равно не успокоитесь, – насмешливо глядя на меня, решил капитан.

Я готова была удавить его, но промолчала. «Ничего, капитан, – злорадно думала я, – ничего, рано радуешься. Я нашла улику, когда убирала двор, а твои люди прошляпили. А тебе я ничего не скажу, пока сама всё не разужнаю».

– Чего вы в рот воды набрали, Элла Глебовна? Говорите же, я жду.

– Когда мы с Глебом зашли во двор, ещё с ворот были слышны голоса. Я сразу поняла, что пьянку затеяли новые жильцы, – начала свой рассказ я.

– Да. Да. Я тоже слышал, – перебил меня «семилетний» квартирант – гость из ближнего зарубежья.

Я так на него зыркнула, что он сразу осёкся: нечего тут меня перебивать.

– Глеб прошёл вперёд, поздоровался, и всё, – продолжала я. – А я увидела накрытый стол, бутылки, закуску. За столом сидели Андрей с женой, Наташа и эти два друга. Они приехали пару дней назад, я их мельком видела. А вот этих не было, – я указала на супружескую пару.

– Мы спать пошли. Муж выпил немного, а ему нельзя, – затараторила жена, – вот я его и повела спать, насилу уговорила.

– А вы когда отправились спать? И почему устроили этот сабантуй? – спросил капитан у друга того бедолаги, что сидит сейчас в СИЗО (зачем именно его забрали, я так и не поняла).

– Мы вдвоём с другом из Краснодара приехали на машине, – запинаясь, отвечал он. – Решили от семей оторваться на несколько дней, отдохнуть чуток. Вкальваем сутками – мы строители.

– Кто был инициатором застолья? – напрямую спросил его капитан Золотарёв.

– Мы оба. Другу приглянулась дочь хозяев. Выглядит молодо, задорная. Вот мы всё и затеяли, и других пригласили. Мы ничего плохого не хотели.

– Не хотели, а получилось, – веско произнёс капитан.

– Поверьте, он очень хороший человек. Да он курицу зарезать не может! Он дочку хозяев никогда бы в жизни не

убил, – всё убеждал парень капитана. – За что его взяли? Он безобидный.

– Когда вы ушли из-за стола? Кто здесь остался?

– Уже все разошлись. Мы втроем остались: она, он и я. Он уже был изрядно выпивший, а мы ещё хотели на море пойти, рассвет встретить. Она обещала, что подругу для меня пригласит.

– Подругу? Почему вы молчали до сих пор?

– А что говорить? Подруга-то не явилась. Ждали. А потом я отправился спать, оставил их одних – друг попросил.

– Во сколько вы пошли к себе в комнату?

– Около трёх, точно, – произнёс парень.

На него было страшно смотреть: глаза запали, голос дрожал. Он был в полнейшем раздрае.

– Почему вы его держите? Почему? Что он сделал? – в отчаянии спрашивал парень.

– Мы имеем право любого человека задержать на 72 часа до выяснения обстоятельств, – отрапортовал капитан. Потом окинул взором сладкую парочку – Андрея и Ирку – и начал на них словесную атаку: – Ну, милейшая Ирина, расскажите мне о вчерашнем вечере. Я вас внимательно слушаю.

– Я была на работе до одиннадцати вечера, – запинаясь, начала Ирка. – За мной приехал Андрюха с ребёнком. Что ещё?.. Ну, что ещё, блин... что ещё говорить? Типа, как мы ехали, да? Ну, блин, ехали... приехали...

Я чуть не задохнулась от раздиравшего меня смеха, но сдержала порыв. Мой интеллигентный сын просто пониже опустил голову, чтоб никто не заметил, как он улыбается. Даже невозмутимый капитан усмехнулся.

Права была Ольга Афанасьевна: Ира не могла нормально, без слов-паразитов, произнести даже одну фразу. Уж очень девушка необразованная, туповатая... И как она умудрилась

9 классов окончить?.. А ведь большинство молодёжи сейчас такое. Я не хочу говорить обо всех голословно, но у многих интересы заиклены на танцульках, пиве и сексе. Бог миловал мою семью и моё окружение. Наше младшее поколение – умные, образованные, достойные ребята.

Эти мои невеселые размышления прервал голос капитана:

– Хорошо. Вы приехали домой. Что дальше? – настаивал он, обращаясь к Ирке.

– Ну вот, приехали, а тут бухаловка, поляна накрыта. Нас позвали, блин. А мы что, отказываться должны? Сели с ними, выпили, закусили... эээ... Малой мой капризничал, орал, как идиот. Вот... эээ... Андрюха и сказал, чтоб я его уложила... эээ...

– Хватит экать! – не выдержал Золотарёв. – Продолжайте.

– Ну, это, я поднялась, уложила ребёнка и снова спустилась. А чего это я там буду... эээ... когда здесь пьянка? Интересно, блин, – всё экала Ирка.

– Да, да, – встряла я, – когда мы вернулись, Андрей с Иркой вдвоём были. Ребёнка не видела.

– Спасибо за помощь, Элла Глебовна! – рявкнул капитан. – Я сам разберусь, без вас!

Я струхнула и замолчала.

– А потом, – продолжала Ирка, – Андрюха наклюкался, и я его еле оттащила наверх. Наташа помогла его поднять и отругала как следует. Он её боится, смущается.

Что-то жалкое было в этой Ирке. Девчонка из бедной деревенской семьи. Ничего не видела в своей жизни, кроме родителей-алкоголиков. Повезло ей всё-таки – встретила Андрея. А он парень добрый, полюбил её, как сказочный принц Золушку.

В общем, в конце концов капитан понял, что от Ирки ничего больше не узнаешь, и перешёл к Андрею.

Сейчас парень сидел напряжённый, угрюмый. Видно было, что его душа полна слёз, хоть глаза и оставались сухими. Смерть тёти Андрей переживал тяжело.

Тактичный Золотарёв это понимал, но опросить его был обязан.

– Андрей, опиши весь вечер. Как? Где? Что?

– Я был с ребёнком весь день дома. У меня выходной.

Мы с женой так решили: два дня она работает – я с дочкой, и наоборот. В садик только в сентябре пойдёт, – и Андрей замолчал.

Мы тоже все притихли. Пили уже остывший чай, чтоб как-то заполнить эту горькую минуту.

– Злой рок преследует нашу семью, – грустно и очень тихо продолжил тем временем Андрей. – Ира в одиннадцать закрывает кассу. Я выехал немножко пораньше, естественно,

взял ребёнка, чтоб забрать жену с работы. Во дворе намечалась вечеринка. И Наташа была – тётя моя, – и жильцы новые. Меня тоже пригласили. Я сказал, что привезу жену и мы присоединимся. Так и сделал. Ирка дальше всё рассказала.

Золотарёв терпеливо выслушал монолог Андрея и больше не задал ему никаких вопросов. Все оставшиеся за столом смотрели на капитана. Он же выдерживал мхатовскую паузу, оглядывая всех нас.

– Андрей, я был у Ольги Афанасьевны в больнице, говорил с ней. Послезавтра Наташу можно похоронить. Ольга Афанасьевна сказала, что похоронит здесь, где все дети лежат, – на Воскресенском кладбище.

Андрей обречённо кивал головой.

– Ольгу Афанасьевну завтра можно забирать домой, – чеканил капитан, как будто раздавал нам приказы. – Только она плохо ходит, коляска нужна.

– Мы знаем, – сказала я. – Мы тоже были у неё.

Капитан так посмотрел на меня, что я прикусила свой длинный язычок.

– Помогите Андрею с похоронами, – обратился он к нам всем. – Мне тоже звони, парень, помогу чем смогу, – капитан достал из кармана форменной рубашки визитку и передал Андрею.

А я не знала, что у полицейских есть визитки... Я вопросительно глянула на Золотарёва. Он сразу понял мой взгляд – умный, однако.

– Я не мент, Элла Глебовна. Я – следователь по особо важным делам, к вашему сведению.

Я потупила глазки, а Глеб толкнул меня ногой под столом, чтоб я больше свой рот не открывала.

– А где Николай Степанович? Спит уже? – обратился Золотарёв к Андрею.

– Да. Я ему дал успокоительное.

– Хорошо, – поднялся капитан из-за стола. – Я завтра приду после обеда. Ждите меня. Никому никуда не отлучаться. До свидания.

И он ушёл, а мы так и остались сидеть за столом.

– Алинка сказал? – обратился гость из ближнего зарубежья к Андрею. – Сказать надо.

– Бабушка сама позвонит. Она так решила.

– Бедная Алинка!!! Бедная Наташа!!! – причитал гость-квартирант.

Алина – дочь Наташи – на днях должна была вернуться в Москву. Она тоже, как и мама, окончила медицинский институт, мечтала стать врачом-кардиологом. Впереди у неё была ординатура. После сдачи государственных экзаменов девушка и её любимый парень решили пожениться и сыграли скромную свадьбу. Бабушка с дедом купили ей в подарок на свадьбу однокомнатную квартиру в элитном доме в Москве. Алина была очень благодарна своим любимым дедушке и бабушке. Вот и в связи с тем, что ординатура сейчас платная, а у мамы и молодых таких денег не было, девушка рассчитывала на своих дедушку и бабушку.

С мамой Алина была очень близка. Папа с новой семьёй эмигрировал в Германию, и с ним она в последние годы не поддерживала никаких отношений. Мама для Алины была всем: и подружкой, и учителем, и советчиком, и вообще опорой в жизни... И вот кто-то убил её... За что?! Нарочно или случайно? Этого не знал никто. Капитану Золотарёву предстояло это выяснить, и он узнавал об убитой у родителей и родни, чтоб представить себе общую картину жизни Натальи, складывая потихоньку, как пазл, разрозненные факты ее жизни.

...Наташа рано вырвалась из родительского гнезда. Отучилась в Москве, там же встретила своего мужа, с которым они скоропалительно поженились. Вскоре родилась дочка, после чего они так же быстренько развелись. Никто никому не предъявлял претензий. Они оба были умными молодыми людьми и понимали, что просто не подходят друг другу.

Родители Наташе много помогали. Она много и усердно трудилась – сначала участковым врачом, потом писала диссертацию, а затем ушла работать в современную клинику. Но в лич-

ной жизни у неё ничего существенного не происходило. Мимолётные незначительные романы, в основном с женатыми коллегами, не доставляли ей никакой радости. Всю свою любовь она отдала дочери. Жили они хорошо. Не на широкую ногу, но и не бедствовали. Наташа хорошо зарабатывала, могла позволить себе поехать отдохнуть за границу. Каждый год навещала родителей – когда одна, когда с дочерью. Броская красота Ольги Афанасьевны Наташе не передавалась. Чуть заострённый носик, тонкие губы, блеклые волосы, глаза маленькие, непонятного цвета, но зато великолепная фигура. А все недостатки своего лица она маскировала умелым макияжем. За двадцать с лишним лет проживания в Москве Наташа стала хваткой столичной дамой, но с небольшим налётом южной провинциальности. Манеры и кричащие туалеты выдавали её. Но это не так страшно, как кажется, – на работе она всегда в белом халате, а ходить на премьеры в театр с подругами можно и в ярких нарядах.

...Я очень сочувствовала Александру Сергеевичу Золотарёву – капитану, который вёл это дело. Андрей поделился, что он у кое-кого из знакомых порасспрашивал о капитане – город-то маленький, – и все о нём отзывались как о порядочном человеке и даже талантливом следователе. Не знаю, можно ли сочетать понятия «талант» и «полицейский», но ведь в любом деле есть одарённые профессионалы. Тогда получается, что можно.

Уже в квартире перед сном мы с Глебом поспорили. Мой сын взял манеру делать мне замечания, вот и на этот раз напустился на меня:

– Ты зачем сегодня перебивала капитана? Можешь ты хоть иногда не высовываться?

– А когда это я высовывалась? Я молчала в тряпочку, – оправдывалась я.

– Ты молчала?! Хватит, мать. Ты хоть понимаешь, что мы тоже подозреваемые?

– Мы? Ты обалдел, сынок! Мы даже за столом не сидели. На стаканах нет наших отпечатков, – показала свои познания в криминалистике я.

– Мама, включи голову, ты же говоришь, что у тебя наполовину еврейские мозги. При чём тут отпечатки? Все, кто здесь живёт, под подозрением. Убили человека, ты понимаешь?! Сиди и не высовывайся, – чуть не орал на меня мой интеллигентный сын.

Я решила перевести разговор на другую тему и шёпотом сказала Глебу:

– Сыночек, только тихо... Я тут нашла одну вещь, когда мы делали уборку.

– Какую ещё вещь? Что ты выдумываешь? И почему шепчешь? – как-то подозрительно посмотрел на меня сын.

– Вот, – и я достала из кармана сарафана небольшую заколку для волос в виде бантика. – Видишь? Улика!

– Где ты это нашла?

– Она висела на винограднике, за качелями, прямо на грозди зелёного винограда.

– Что это?

– Заколка для волос. Даже несколько стразиков выпали.

Видно, давно. На земле я их не нашла.

– Интересное дело. Менты не нашли, а ты нашла.

– А они и не искали. Я просто случайно увидела. Что-то заблестело на солнце. Это заколка убийцы.

– Ты с ума сошла, мать? Надо было отдать заколку капитану. Утром позвони ему, ясно? – командовал мой сынок, а мои мысли уже витали в облаках: я представляла себя мисс Марпл, которая раскрыла убийство. Голос Глеба вернул меня на землю: – Может, это заколка Наташи?

– Нет. У неё короткая стрижка была.

И тут, опять вспомнив всю эту ситуацию, мне в который раз стало так жаль Ольгу Афанасьевну, мать, потерявшую своего последнего ребёнка. Говорят, что внуков любят больше, чем детей, но это не всегда. В случае с Ольгой Афанасьевной вся её любовь принадлежала Лёше и Наташе. А перед старшей дочерью она испытывала чувство вины. Сама не воспитывала, отдала

бабушке, видела урывками, порой даже не знала, как себя с ней вести. Потому-то она и взяла Андрея к себе, чтобы загладить вину перед погибшей дочерью.

Я стала выдавать Глебу одну версию за другой. Он слушал меня вполуха:

– Мать, что за бред? Завтра же отдашь капитану эту заколку. Может, она чем-то поможет.

– Хорошо, – решила в конце концов согласиться я с сыном, а то и правда, чтоб не вышло себе дороже – возьмёт сынуля, и сам позвонит капитану.

Я поцеловала своего умного отпрыска, пожелала ему спокойной ночи и ушла к себе в комнату.

Мой сын позаботился о том, чтоб я жила в комфортных условиях. Он знает, что я так привыкла и иначе не могу. Но Глеб не в курсе, что бывали дни, и даже годы, когда я и подумать не могла о таком комфорте...

Родилась и выросла я в городе Баку. Красавец-город, город огней и ветров, город красивых девушек и умных людей. О Баку я могу говорить часами... Мы жили в центре города, в жактовском дворе, где обитали четыре семьи. Моя была очень интересной, традиционной для бакинцев. Мама из еврейской профессорской семьи, где её родители, мои бабушка и дедушка, уважительно относились друг к другу, растили своих дочерей в любви, дали им прекрасное образование – они ходили в музыкальную школу и изучали языки. А папа мой – настоящий бакинский дворовой пацан, кровь многих народов смешалась в нём. Голубые глаза выдавали в нём русскую кровь, хороший голос – грузинскую, умение торговаться – армянскую. Как-то где-то на одной из бакинских тусовок мои родители познакомились, влюбились и после этого не расставались. Я не знаю, что связывало порядочную еврейскую девушку, учившуюся в консерватории, и парня, с горем пополам окончившего школу и ушедшего в армию. И тут на тебе – демобилизовался, встретил мою маму и потерял голову. Как любил говорить папа: «Ваша мать мне приворот сделала, иначе как я мог добровольно влюбиться в такую правильную девушку».

Мама рассказывала: когда бабуля узнала, что она хочет выйти замуж за этого хулигана, то хлопнулась в обморок и всё причитала: «Это же мезальянс!» Дедушка пытался вести со своей дочкой душевные разговоры, но мама была непоколебима. А когда мой будущий папа сам явился к ним просить руки их дочери, они отказали, заявив, что ждут его родителей. «В субботу приходите вместе с родителями», – строго сказал дедушка. И в означенную субботу явился не только папа, но и вся его многочисленная русско-грузинско-армянская семья: папа решил перейти в наступление и пригласил всех. Они принесли корзину цветов, много сладостей и вина. Так и состоялась помолвка моих родителей. Через месяц они зарегистрировались. Потом родились я и моя сестра. Брак у моих родителей был крепкий, они умели принимать недостатки друг друга, прощали обиды и никогда не оскорбляли родных при ссоре.

Баку – город моего детства и молодости, его невозможно не любить. О нём слагались песни и легенды. Девичья Башня и Дворец Шахристан; старый город с его закоулочками; Приморский бульвар с пирсом, на котором до сих пор стоит кафе-мороженое «Садко»; фуникулёр; магазин

«Мингечаур» с его всесоюзно известным тортом «Сказка»; Кубинка – улица, на которой можно было купить всё во время тотального дефицита в СССР, и Торговая улица, где в магазинах тоже было многое; Цирк и базар с вкусными овощами и фруктами. Оду своему любимому городу я могу петь долго.

Нас с сестрой воспитали бабушки и Баку. Родители работали, а нас, как мячик в пинг-понг, перебрасывали от одной бабушки к другой. И обе мои любимые бабушки заложили во мне много хорошего. Русская научила милосердию, терпению, хозяйствованию. Еврейская привила музыкальный вкус, научила хорошим манерам, любви к чтению, следить за собой. Но всё равно я росла отчаянной бакинской девчонкой. Училась, модничала, гуляла и пела.

Я оканчивала первый курс института, когда встретила своего мужа. Он уже был на последнем курсе моего же института, куда поступил после службы в армии. Вечерами подра-

батывал грузчиком в морпорту, как и все молодые люди из небогатых семей. Как-то на студенческой вечеринке мы встретились, и всё. Бабочки в животе, стук сердца, химия и алхимия – всё вместе под названием «Любовь». После первого свидания мы уже не расставались. Решили: как Саша (так звали моего будущего мужа) защитит диплом, мы поженимся. Когда моя мама стала притворно падать в обморок, то моя еврейская бабушка высокопарно произнесла: «Всё возвращается на круги своя!» Бабушка так и не смирилась с тем, что моя мама вышла замуж за бакинского хулигана, хотя этот хулиган – мой папа – достиг определённых высот, хорошо содержал свою жену и дочерей. При этом не забывал помогать теще с тестем и был любимым зятем у моего деда. После бабушкиных слов мы с сестрой хохотали до слёз: мы-то с детства знали историю папы и мамы и то, что моя бабушка так же заламывала руки и падала в обморок, когда мама заявила, что выходит замуж. Круговорот воды в природе, всё повторяется по спирали.

Я не была красоткой в том понимании, которое сейчас преподносит модельный бизнес. Классическая красота важна только для этой индустрии. Мужчины же ценят ощущения, появляющиеся у них рядом с женщиной. Рядом со мной они были счастливы. И мы с Сашей были счастливы.

После свадьбы мы ушли жить к родителям мужа, как и положено: жена идёт за мужем, а муж идёт за Богом. Нам выделили самую маленькую комнату, но мы были и ей безмерно рады. Я родила сына – нашего первенца, – и мы назвали его в честь Сашиного отца, моего свёкра. После этого мой свёкор – всегда молчаливый и степенный, ветеран войны – надел свой пиджак со всеми орденами и медалями и отправился в райисполком хлопотать, чтобы нашей семье расширили жилплощадь. И нам выделили ещё одну комнату в этом же дворе. Благодаря свёкру у нас появилась и своя ванная комната, и туалет – тогда это было роскошью, чтоб разрешили пристроить.

Мой свёкор – фронтовик, рано скончался от боевых ран. Как же горевала моя свекровь... Они познакомились на войне. Она была молоденькой девочкой и работала санитаркой в одном из госпиталей Пятигорска, а он – уже боевой офицер – попал туда после ранения. Там, в госпитале, и зародилась их тихая верная любовь. Их фронтовую переписку свекровь до сих пор хранит в своей любимой деревянной шкатулке, которая у неё осталась с тех времён. После войны живой, но немного прихрамывающий офицер-орденоносец заехал в Пятигорск, забрал любимую и увёз в свой родной город Баку. Так они и прожили вместе счастливую жизнь, родив двоих сыновей. У моего мужа есть младший брат, хороший парень, с ним я подружилась. Сейчас он живёт в Израиле, в красивом приморском городе Нетания – бакинцы без моря не могут существовать. Иногда я приезжаю к нему в гости и всегда подшучиваю над ним:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.